

КОЛЛЕКЦИЯ БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ

Сергей Карелин
Юрий Розин

ПЛАМЕНЕВ

ТЕТРАЛОГИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К22

Серия «Коллекция боевой фантастики»

Дизайн серии
Василисы Сухановой

Иллюстрация на обложке
Госс Миродар

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Карелин, Сергей; Розин, Юрий

К22 Пламенев. Тетралогия в одном томе: сборник / Сергей Карелин, Юрий Розин. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2026. — 832 с. — (Коллекция боевой фантастики).

ISBN 978-5-17-191023-5

Я был нелюбимым приёмным сыном в деревенской семье. И даже не подозревал, кем являюсь на самом деле. Всё изменилось в одну ночь, когда с неба, объятый пламенем, упал человек. Судьба или случай свели нас — не знаю, но именно с этой встречи начался мой путь от презираемого приёмыша вперёд и вверх, к силе, власти и звёздам.

Но враги уже близко. И первый урок будет простым: в мире культиваторов выживает только сильнейший.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Сергей Карелин, 2026
© Юрий Розин, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-191023-5

КНИГА 1

Глава 1

— Сашка, паршивец! Где тебя черти носят?! А ну, живо сюда, мелкое чучело!

Да что ей теперь-то надо?

— Я здесь, тётъ!

— Где?

— Три, два, один...

— Я тебе сколько раз говорила на крышу не лазить?! А если она провалится под тобой? Кто чинить будет? Кто будет черепицу покупать?! Уж явно не ты, грызень мелкий!

— Спускаюсь!

Пришлось слезать, хотя забрался я сюда всего минут пятнадцать назад. Подобравшись к краю, я в последний на сегодня раз окинул взглядом окружающие наш дом за частоколом поля, виднеющуюся вдали речку, поднимающийся за ней лес.

В очередной раз родилась идея сбежать из дома в этот самый лес, поселиться в моей тайной берлоге, питаться ягодами и пойманными в силки, ставить которые меня научил дед Сима, кронтами. Но, как и каждый раз, это желание с треском разбилось о простую мысль: а что будет ночью? А зимой? Домой-то меня при таком раскладе уже ни за что не пустят.

Вздыхнув, перекинул ногу через край крыши, нащупав пальцами первую ступеньку лестницы. Потом поставил на следующую ступеньку вторую ногу, опустил, ухватился руками, сделал шаг, второй...

— Мне тут сколько, год ждать?! — раздалось снизу, и лестницу вдруг резко тряхнуло.

Я, всё ещё не вернувшийся до конца из фантазий о жизни в берлоге и очень неудачно оторвавшийся от лестницы в этот момент сразу и руку, и ногу, не удержался, сорвался и полетел вниз. Секунда падения окончилась резким, выбивающим воздух из лёгких ударом. Благо на крышу никто, кроме меня, не лазил, и вокруг лестницы за домом всё давным—давно поросло высоченной травой, смягчившей падение. Иначе...

— Саша! — надо мной нависло взволнованное лицо тёти Кати. — Живой?

Воздух со свистом устремился назад в лёгкие, и я с усилием произнёс:

— Кажись, да...

— Чего же ты меня так пугаешь?! — от понимания, что со мной всё в порядке, малейший намёк на заботу из неё напрочь улетучился. — Паршивец, надо было лучше держаться! Мне теперь тебя даже таким простым вещам учить?! Ох, покажу я тебе однажды!

К счастью, похоже, она ещё была в лёгком шоке, иначе не преминула бы показать прямо на месте.

— Чего звали, тётъ Катъ? — тяжело кряхтя от боли в спине, пояснице и шее, я поднялся на ноги.

— Ты всё сделал, что я тебе говорила?

— Да.

— Точно?

— Точно.

— Огурцы собрал?

— Да.

— Куда дел?

— В погреб.

— Морковь прополол?

— Да.

— Курам, кронтам, хрякам корм задал?

— Да.

— Теплицы после помидоров вычистил?

Я нахмурился.

— А вы говорили?

Её лицо тут же исказилось в гримасе гнева.

— Я тебе что, всё говорить должна?! Сам бы, наконец, хоть раз подумал своей головой пустой, чучело! Вчера ведь помидоры собирали и ботву жгли! Совсем ты от рук отбился, паршивец, я тебе точно покажу однажды! — она перешла на бессвязное бурчание.

Я знал, что через полминуты после начала этого бормотания она взорвётся очередным потоком брани и закончится всё почти наверняка розгами. С другой стороны, если успеть вовремя переключить её, то удастся избежать и брани, и наказания.

— Что-то ещё нужно, тётъ Катъ?

— А? — она будто впервые меня увидела. — Да, нужно! Возьми котомку с едой, отнеси брату с сестрой, они сегодня проспали из-за тебя и ушли, не успев забрать обед. Пере-

дашь — не забудь извиниться за утро, и живо домой! Тебе сегодня ещё печку чистить, а это надо сделать засветло, чтобы видно лучше было! Понял меня?

— Понял! — кивнул я.

— Котомка знаешь где? На входе слева...

— В ящике под полотенцем! — закончил за неё я, уже преодолев половину расстояния до угла дома.

Сделав два поворота и взбежав по ступенькам, заглянул в дверь, не глядя вытащил из—под полотенца небольшую корзиночку с едой и вскоре уже выскочил за ворота. Следующие минут десять были полностью моими. Пока ноги несли меня к деревенской школе, стоящей на главной площади в самой середине деревни, я мог подумать о чём угодно. Впрочем, как и каждый день на протяжении последнего года, я не мог думать ни о чём, кроме никак не дающегося мне Духовного Сбора.

Даже с учётом того, что на занятия у деревенского сотника я не ходил и информацию о Сборе мог получать только урывками — например, в такие дни, как сегодня, когда приходил что-то передать детям тёти Кати, краем уха слушая пояснения сотника, — за год совершенно точно узнал и подсмотрел достаточно, чтобы хотя бы начать собирать Дух.

Даже Пашка, наш деревенский дурачок, благодаря тому, что он племянник купца Лукова, тоже допущенный до уроков сотника, ощутил Дух за несколько месяцев. А я сильно сомневался, что был глупее парня, который, после того как свалился в колодец, просидел там полтора дня и был чудом спасён, через неделю прыгнул туда во второй раз уже сам. Потому что кто-то из соседских парней сказал ему, что уронил в тот колодец золотой.

Федька мне уже кучу раз на все лады повторил, что я чучело, а потому Дух собирать не могу. А Фая заявила, что если я смогу собрать хоть немного, то она меня поцелует. С учётом того, насколько она мной брезговала, такое обещание наглядно демонстрировало её мнение о моих шансах.

На самом деле не всем это дано: две трети жителей деревни, включая даже тех, кто когда-то тренировался, ни разу за всю жизнь Дух так и не почували. А из оставшейся трети в лучшем случае каждый пятый действительно начал хоть какой-то его Сбор.

Но я отказывался признавать свою несостоятельность. Искренне считал, что те, у кого это не получалось, просто плохо пытались, только и всего. А когда я смогу научиться собирать его и использовать, тогда, возможно, смогу по-настоящему задуматься о том, чтобы поселиться в своей Берлоге. К сожалению, не раньше.

И вот, наконец, главная площадь деревни: церковь, дом старосты, дом собраний, центр ополчения и школа — всё это было здесь. Пройдя в приоткрытые ворота деревенской школы, которая в летнее время не работала, за исключением занятий сотника, я махнул рукой сидящему в сторожке деду Симе. Он, подслеповато сощурившись, улыбнулся и кивнул мне в ответ.

Занятия сотника всегда шли на плацу за школой, туда я и отправился, перед углом здания замедлившись и прижавшись к стене, чтобы моё появление осталось незамеченным. Осторожно выглянув из-за угла, с удовлетворением улыбнулся: попал я сегодня в самый удачный момент, когда сотник деревни Митрий Серый (это была не фамилия, а прозвище) как раз объявил о начале практической части. Ученики должны были демонстрировать свои успехи в Духовном Сборе и получать от него советы.

Митрию было уже за шестьдесят, но под рубахой, которую он снял из-за полуденного зноя, у него до сих пор скрывались стальные канаты мышц, обтянутые смуглой, покрытой множеством шрамов кожей. Дядька был мировой. Я не сомневался, что он знал о моём подсматривании за их занятиями. Да что там, меня не раз ловили его ученики за этим занятием, но он ни разу не наказал меня и даже не отругал. Просто говорил, что стремление надо поощрять.

Ходили слухи, что он одно время даже служил в городской гвардии, но потом получил травму и его отправили к нам. И возможно, это не очень правильно, но я был рад, что его жизнь сложилась именно так.

Прошлый сотник, Роман Романович, который теперь занимал почётную должность деревенского старейшины, ведший эти занятия, когда мне было лет пять, был тем ещё брюзгой и вечно недовольной сволочью. Он один раз избил меня своей клюкой за то, что я слишком долго шёл мимо его забора: решил, что я за ним шпионю. Если бы он остался сотником

и продолжил вести занятия, то за подглядывание я сто пудов отправился бы к нашему лекарю с парой переломов.

Митрий, взяв в руку тонкую розгу, которой, впрочем, никого и никогда по-настоящему не бил, а просто «напоминал», двинулся вдоль ряда сидящих в неподвижности на коленях учеников. Занятия сотника можно было посещать с двенадцати до семнадцати лет, но совсем старших сейчас среди них не было.

Старше всех был сын нашего кузнеца, Колька. Хороший парень, один из немногих, кто меня никогда не трогал. Впрочем, он вообще никого и никогда не трогал, так как, кроме занятий сотника, практически не появлялся в деревне, постоянно занятый с отцом в кузне.

Так что самыми главными в группе из пятнадцати учеников были Федя и Фая, мои «брат с сестрой». На самом деле тётя Катя не была моей настоящей тётей — она забрала меня из городского детдома, когда я был совсем маленький. Зачем — не знаю, она и сама постоянно задавала мне этот вопрос: «И зачем я тебя только забрала тогда?! Лучше бы оставила в детдоме!»

Иногда меня посещали мысли, что, возможно, лучше и правда было бы остаться в детдоме, но потом приходило понимание, что в этом случае я вполне мог оказаться и где похуже. А в нашей деревеньке пусть каждый день и был занят работой вне зависимости от времени года, хотя бы было мирно. Сотник Митрий своё право сбора деревенского ополчения для борьбы со Зверями, насколько знаю, за почти десять лет, что занимал должность, использовал всего раз.

Впрочем, про «мирно» — это тоже были слова тёти Кати. Сам я с каждым месяцем ненавидел это место всё больше и больше, и в том числе за его «мирность». Тут было настолько скучно, что хоть на стену лезь.

А от осознания, что, вероятно, мне придётся провести здесь всю оставшуюся жизнь, хотелось не просто на стену лезть, а вовсе удавиться. Потому как без знания наук или без умения Духовного Сбора перебраться в город для деревенского парня без гроша за душой было практически нереально.

Собственно, поэтому я и был так одержим продвижением в Сборе Духа. Науки преподавал лично староста за деньги куда

большие, чем стоили занятия сотника, и они мне уж точно не светили. Грамота и счёт, что преподавали в обычной школе бесплатно для всех, были от таких наук далеки так же, как я от образа идеального сына для тёти Кати. И перечитанная дважды от корки до корки маленькая школьная библиотека мне бы тоже ни на каплю не помогла.

— Не сосредоточен! — бросил Митрий, хлёстко стегнув одного из учеников по загривку.

— Торопишься! — прилетело второму.

— Неплохо! — он постучал Федю по голове. — Но ты тоже торопишься. Замедлись немного, чтобы движения Духа совпадали с твоими вдохами и выдохами.

Федя серьёзно кивнул, не открывая глаз.

— Молодец, — похвалил он Фаю, подойдя и погладив её по голове.

Она была самой успешной его ученицей, и однажды я даже услышал, как она говорила тёте Кате, что, по словам Митрия, через год уже сможет перейти к созданию Духовных Вен, что было это ни значило.

Пройдя вдоль ряда дважды и проверив всех, Митрий начал ещё раз пояснять тонкости Сбора Духа. Я слушал, стараясь даже не дышать слишком громко, чтобы не пропустить ни единого слова. Наконец, спустя где-то полчаса занятие было окончено, и Митрий позволил всем встать с колен и разойтись. Сам он подхватил свою рубаху с забора вокруг плаца и неспешно побрёл в школу, поймав в какой-то момент мой восторженно-благодарный взгляд и добродушно подмигнув.

Я, понимая, что уже непозволительно задерживаюсь для чистки печки, поспешил к Феде и Фае, вокруг которых сразу после окончания урока начали собираться ребята из их «шайки». Сами они себя так, разумеется, не называли. Это я называл, да и то про себя, а не вслух, не собираясь быть битым просто за слово.

— Фёдя, Фая, я принёс ваш обед от тёти Кати! — махнул я им рукой, показывая котомку.

— О, Санёк! — довольно воскликнул Федя, широко раскрывая руки. — Давай-давай, я жрать хочу, как три Зверя!

Без всякой задней мысли я пошёл к нему, протягивая котомку, и, только когда оставалось совсем немного, заметил

холодную усмешку на лице Фаи, не предвещавшую для меня ничего хорошего. Разжав пальцы на ручке котомки, я развернулся и хотел было дать дёру. Дома у тёти Кати, конечно, тоже не сахар, но она хотя бы контролировала силу ударов, учитывая, что мне потом ещё работать. Да и была в основном розгами или ремнём дяди Севы, а никак не руками и ногами.

Но я подошёл слишком близко. Не успел сделать и пары шагов, а мою руку уже сжала мёртвая хватка пальцев Феди.

— Куда рванул, щенок? — прошипел он, резким движением разворачивая меня к себе. — Думаешь, после того как мы из-за тебя сегодня проспали утреннюю тренировку и получили нагоняй от Серого, ты сумеешь уйти безнаказанным?! Тем более что это уже третий раз за лето! Ты чем слушаешь, когда тебе говорят, во сколько нас надо будить? Или у тебя уши воском залиты?!

— Если так важно было прийти на тренировку вовремя, просыпался бы и собирался сам! — огрызнулся я, совершенно не собираясь оправдываться.

То, что я проспал, потому что ночью пытался практиковать Сбор Духа, было правдой. Но также правдой было то, что Фаю и Федю я в итоге разбудил достаточно рано, чтобы они везде успели.

И опоздали они, потому что не успели вовремя выйти из дома. Слишком привыкли, что я, вставая на два часа раньше, готовлю для них одежду, завтрак и собираю в котомку с собой обед.

Тётя Катя и дядя Сева, как бы они меня ни шпыняли, хотя бы делали всё для себя сами и даже не думали требовать, чтобы я что-то там для них лично делал. А Фая с Федей с начала этого лета, заручившись одобрением тёти Кати, сделали из меня какого-то слугу. Это меня злило куда больше, чем то, что после их ухода мне ещё предстоял целый день работы в огороде.

— Спорить со мной вздумал, чучело?! — прорычал Федя, замахиваясь на меня кулаком.

Это был его «коронный» и, по сути, единственный удар в арсенале. Банально потому, что использовал он его лишь против тех, кто был слабее, и они не могли выдержать этот удар. Вот только я видел его уже столько раз, что мог бы

увернуться от него с закрытыми глазами. Обычно я этого не делал, так как последствия были куда хуже, чем получить один раз в лоб. Но сейчас меня вдруг затопила такая обида на глупость ситуации и на того, кто собирался ударить меня из-за своей же ошибки, что я не выдержал.

Уйти в сторону было просто: кулак Феди просвистел мимо моего лица, и я заметил в его глазах удивление. Но от того, что я уклонился от атаки, внутри поднялась такая волна эйфории, что я решил на этом не останавливаться. Мой собственный удар, вообще не поставленный и более болезненный скорее для меня самого, врезался Феде в челюсть. Секунда восторга была прекрасной наградой, но затем вторая рука Феди сжалась у меня на горле так быстро, что я даже не понял, как это произошло, и слегка подняла над землёй.

Я уже успел не раз на себе прочувствовать, что Сбор Духа укрепляет тело, но теперь ощутил это максимально чётко.

— Крысёныш! — ярость «брата», явно вообще не почувствовавшего моего удара и взбесившегося чисто из-за самого факта атаки, я ощутил тут же.

— Федь, может, не надо? — с опаской в голосе спросил один из шайки.

Но моего «брата» уже понесло. Этим он был в мать: если заводился, остановить его уже было невозможно, и, пока его гнев, подпитывающий сам себя, не выгорит полностью, вставать у него на пути себе дороже.

— Заткнись! — рявкнул Федя.

После чего, продолжая держать меня за шею, широкими шагами пошёл к выходу из школы. Сделать с этим я не мог ровным счётом ничего, и единственное, на что был способен, — это повиснуть, покрепче схватив его плечо, чтобы не задохнуться окончательно.

С главной площади меня, сучащего ногами по земле и хрипящего что-то невразумительно-злое, потащили прямо к главным воротам деревни. А потом ещё почти час волокли через поля пшеницы, ржи и овса. Федя молчал даже в ответ на вопросы и уговоры своих «подчинённых», продолжая переть вперёд. Его глаза покраснели от ярости. Похоже, огрызнувшись на него после выговора от Митрия, я превысил допустимый предел его здравомыслия.

Фая просто шла следом, хмурая, но тоже не решающаяся перечить брату. Хотя она была талантливее в Сборе Духа и, пожалуй, умнее Феди в целом, напор и дикость делали его неоспоримым лидером как среди других ребят, так и в их паре брата и сестры.

В какой-то момент я даже начал привыкать. Нашёл удобное положение тела, посильнее схватился руками, чтобы не чувствовать собственный вес, давящий на шею, нашёл ритм, в котором было плюс-минус нормально перебирать ногами, чтобы не стереть в мясо пятки о землю. Но потом я понял, куда Федя меня тащил, и внутри всё будто оборвалось. Единственный каменный мост через реку Синявку я увидел лишь краем глаза. Сам-то обычно перебирался вброд через речку намного южнее, фактически напротив дома, чтобы не тратить время на большой крюк, но Федя, похоже, не хотел мочить ботинки.

Вскоре мы оказались на опушке леса. От деревьев, несмотря на середину лета, веяло прохладой, но я обливался потом. Небо уже начало темнеть, скоро должна была наступить ночь. Оказаться в темноте в лесу, даже не беря в расчёт Зверей, хотя это было очень сложно, мне максимально не улыбалось. Тем не менее Федя, похоже, решил воплотить в жизнь именно это мое нежелание. Пройдя метров сто, видимо в поисках подходящего дерева, он подтащил меня к нему, свободной рукой вытащил из петелек в рубаше и штанах кушак и не глядя протянул его одному из подчинённых.

— Вяжи ему руки, чтобы можно было перекинуть через сук! — голос Феди был хриплым, полным гнева и агрессии.

Скорее всего, если бы парень отказался выполнять его требование, его бы повесили рядом со мной. Так что тот, уже давно потеряв всякий настрой и энтузиазм для участия в этом подобии казни, тем не менее всё-таки взял из руки Феди кушак, туго замотал одно моё запястье, перекинул пояс через ветку, а потом перевязал второе.

— Федь, не надо, мама будет его искать! — Фая осторожно коснулась локтя брата.

Он отмахнулся с такой силой, что выдал сестре пощёчину.

— Тебя рядом с ним привязать?!

Бешенство Феди явно перешло все границы. Фая, схватившись за щеку, несколько секунд стояла неподвижно, как